

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: значение риска недостижения результата и обеспечение исполнения обязательств

Аннотация. В статье рассматриваются договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР) как специальная гражданско-правовая форма организации научной и научно-технической деятельности. Обосновывается, что ключевое значение данной договорной конструкции состоит в особом распределении риска недостижения результата. Такой риск не может автоматически рассматриваться как нарушение обязательства исполнителя, если невозможность достижения результата имеет объективный характер. Показано, что обеспечительные конструкции в сфере НИОКР должны применяться с учетом природы научного риска: обеспечению могут подлежать денежные обязательства заказчика и отдельные обязанности исполнителя, но не само достижение научного результата. Отдельное внимание уделяется результатам научной деятельности как возможным объектам оборота и обеспечения. Сделан вывод о необходимости различать охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и иные результаты НИОКР, имеющие самостоятельную имущественную ценность. Такие результаты могут рассматриваться как особая разновидность результатов работ по ст. 128 ГК РФ. Обосновывается необходимость развития законодательства о риске недостижения научного результата и об оборотоспособности результатов НИОКР, не являющихся объектами интеллектуальных прав.

Ключевые слова: договоры на выполнение НИОКР; обеспечительные сделки; обеспечение исполнения обязательств; научно-исследовательские работы; опытно-конструкторские работы; технологические работы; права на результаты интеллектуальной деятельности; технологическое лидерство; научная деятельность; научно-техническая деятельность; риск недостижения ожидаемого научного результата; ответственность исполнителя; клинические исследования; доклинические исследования

Для цитирования: Гринь О. С. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: значение риска недостижения результата и обеспечение исполнения обязательств // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 88–100. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.088-100

© Гринь О. С., 2026

* Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125933
osgrin@msal.ru

Contracts for Research, Development and Technological Works: The Implications of the Risk of Non-Achievement of the Intended Result and the Means of Securing the Performance of Obligations

Oleg S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Center for Monitoring Legislation and Law Enforcement, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
osgrin@msal.ru

Abstract. The paper examines contracts for the performance of research, development and technological work as a special civil law form of organizing scientific and scientific-technical activities. It is substantiated that the key significance of this contractual structure lies in the special distribution of the risk of non-achievement of the result. Such a risk cannot be automatically considered as a breach of the contractor's obligation if the impossibility of achieving the result is of an objective nature. It is shown that security structures in the field of research and development (R&D) should be applied taking into account the nature of scientific risk: the monetary obligations of the customer and individual obligations of the contractor may be subject to security, but not the achievement of the scientific result itself. Particular attention is given to the results of scientific activity as possible objects of transactions and supply. It is concluded that there is a need to distinguish between protected intellectual products and other results of R&D that have independent property value. Such results can be considered as a special type of work results under Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. The need to develop legislation on the risk of non-achievement of a scientific result and on the transferability of R&D results that are not objects of intellectual property rights is substantiated.

Keywords: R&D contracts; security transactions; security for the fulfillment of obligations; research and development work; experimental design work; technological work; rights to intellectual products; technological leadership; scientific activity; scientific and technical activity; risk of non-achievement of intended results; contractor's liability; clinical trials; preclinical trials

Cite as: Grin OS. Contracts for Research, Development and Technological Works: The Implications of the Risk of Non-Achievement of the Intended Result and the Means of Securing the Performance of Obligations. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):88-100. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.088-100

Введение

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР) занимают особое место в системе гражданско-правовых обязательств, поскольку оформляют не обычный процесс создания и передачи имущественного блага, а осуществление научной и научно-технической деятельности, изначально сопряженной с объективной неопределенностью ее итогов. В рамках таких договоров исполнитель принимает на себя обязанность действовать в соответствии с заданием заказчика, однако сама природа

соответствующей деятельности не позволяет автоматически переносить на нее классическую модель обязательства, ориентированного на гарантированное достижение заранее заданного результата. Именно этим объясняется специфика содержания обязательств сторон, правил о риске недостижения результата, а также особенности ответственности по данному договору.

В современных условиях научно-технологического развития и курса на достижение национальной цели технологического лидерства¹ значение договоров НИОКР заметно возрастает. Они выступают одной из базовых частноправовых форм организации исследований и

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

разработок, обеспечивая связь между наукой, производством и внедрением новых решений в хозяйственный оборот. Вместе с тем потенциал данной договорной конструкции не исчерпывается ее собственным нормативным содержанием. В закрепленной в гл. 38 ГК РФ модели распределения риска учитывается объективная возможность недостижения ожидаемого результата при добросовестном исполнении — этот подход представляет интерес не только в рамках договоров НИОКР, но и применительно к иным правовым формам финансирования научной деятельности.

При этом особая регламентация отношений из договоров НИОКР не может рассматриваться изолированно от вопросов обеспечения исполнения возникающих из них обязательств. Творческий характер деятельности исполнителя, особое распределение рисков, а также специфика прав на результаты научной деятельности требуют самостоятельной постановки вопроса о допустимости и пределах использования в данной сфере классических гражданско-правовых обеспечительных конструкций. Наиболее сложной в этом отношении является проблема определения тех результатов научной деятельности и тех прав на них, которые могут выступать объектами обеспечения. С учетом этого в настоящей статье договоры НИОКР рассматриваются не только как специальная модель распределения научного риска, но и как сфера, в которой проявляется специфика способов обеспечения исполнения обязательств.

Договоры НИОКР и другие формы финансирования научной деятельности

Научные исследования и разработки в современной правовой системе осуществляются в нескольких юридических формах. Наряду с гражданско-правовыми договорами в этой сфере используются механизмы бюджетного финансирования, прежде всего государственное задание, правила формирования и финан-

сового обеспечения которого закреплены в ст. 69.2 БК РФ, а также субсидии, предоставляемые по правилам ст. 78.1 БК РФ. Кроме того, в положениях Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»² (далее — Закон о науке) отражена идея о самостоятельном значении грантов как особой формы финансирования научных, научно-технических и инновационных проектов.

В этом контексте специфика договоров на выполнение НИОКР определяется не только предметом, но и самой природой подлежащей осуществлению деятельности. В рамках договора на выполнение научно-исследовательских работ исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, тогда как по договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ он обязан разработать образец нового изделия, новую технологию, а также техническую и (или) конструкторскую документацию на них. Однако решающее значение имеет не само это разграничение, а закрепленное в п. 3 ст. 769 ГК РФ правило, согласно которому риск случайной невозможности исполнения таких договоров по общему правилу несет заказчик. Именно это позволяет рассматривать договоры НИОКР как специальную гражданско-правовую модель распределения научного риска.

Иные правовые формы финансирования науки такой модели в явном виде не содержат. Так, грант, в силу ст. 2 Закона о науке, представляет собой денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов и проведение конкретных научных исследований на условиях, определенных грантодателем. Уже это показывает, что грантовая конструкция строится не по модели встречного имущественного предоставления, характерного для договора НИОКР. Хотя в доктрине и правоприменении высказывается точка зрения, согласно которой грантовый договор следует рассматривать как разновидность по-

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

жертвования³, полное их отождествление вряд ли оправданно. Существенное различие состоит в признаке безвозвратности гранта: в отличие от пожертвования, предмет которого в предусмотренных законом случаях может быть истребован обратно (п. 5 ст. 582 ГК РФ), грантовая модель изначально строится на ином правовом основании.

Государственное задание и бюджетные субсидии в рамках бюджетного законодательства предполагают достижение ряда формальных показателей, идея объективного риска недостижения результата научной деятельности в бюджетном законодательстве не отражена. Такой подход обусловлен главным образом необходимостью соблюдения принципа эффективного использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ), но специфику научной деятельности такой подход не отражает.

Поэтому договоры НИОКР могут рассматриваться как нормативная модель, в которой законодатель адаптирует содержание обязательства к объективной неопределенности научного поиска. В таких условиях положения гл. 38 ГК РФ представляют интерес не только для квалификации собственно договоров НИОКР, но и для более широкой постановки вопроса о допустимости распространения идеи риска недостижения результата на иные правовые формы финансирования науки.

Юридическая природа и содержание обязательств сторон

Юридическая специфика договоров НИОКР определяется прежде всего тем, что они, как отмечалось выше, опосредуют осуществление

научной либо научно-технической деятельности, объективно обусловленной неопределенностью ее итогов. По этой причине содержание обязательства исполнителя не может определяться по модели гарантированного достижения заранее заданного полезного эффекта. Пункт 3 ст. 769 ГК РФ прямо возлагает риск случайной невозможности исполнения на заказчика, а это означает, что законодатель исходит из допустимости ситуации, при которой ожидаемый результат может не быть достигнут при отсутствии нарушения со стороны исполнителя. Именно в этом состоит ключевое отличие договоров НИОКР от классического подряда и иных договоров, ориентированных на получение обычного товарного результата. Указанная особенность позволяет квалифицировать данный договор как **алеаторный**⁴. Правило о возложении риска случайной невозможности исполнения на заказчика означает, что эти договорные отношения относятся к категории обязательств по приложению усилий (*obligation de moyens*), а не обязательств по достижению результата (*obligation de résultat*)⁵.

Результат таких работ может быть как материальным, так и нематериальным. Кроме того, такой результат часто связан с созданием охраняемых результатов интеллектуальной деятельности либо с возникновением значимых, но не всегда охраняемых по правилам части четвертой ГК РФ научных результатов.

В правоприменительном контексте вопрос определения такого результата является решающим для квалификации соответствующего договорного отношения.

Одно из ключевых различий в квалификации было исходно сделано на уровне Высшего Арбитражного Суда РФ применительно к раз-

³ См., например: Кумаритова А. А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. № 7 ; письмо Пенсионного фонда РФ от 27.05.1999 № ЕВ-16-26/4987 «О применении Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Белоусов В. Н. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 11. С. 91–95.

⁵ См.: Акифьева А. А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 237–278.

граничению предметов договора на выполнение опытно-конструкторских работ и договора поставки. Так, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.07.2012 № 2296/12 было подчеркнуто, что договор поставки предполагает передачу вещи, не обладающей индивидуальными особенностями, тогда как по договору на выполнение опытно-конструкторских работ разрабатывается образец нового изделия в соответствии с техническим заданием заказчика. Соответственно, создание индивидуализированного, несерийного результата, приспособленного к потребностям конкретного заказчика, свидетельствует в пользу квалификации договора как договора на выполнение опытно-конструкторских работ, даже если стороны использовали иное наименование. Данная позиция нашла развитие в актуальной практике Верховного Суда РФ, где указывается, что ключевым критерием для разграничения является наличие индивидуально-определенных характеристик изделия, разрабатываемого по техническому заданию заказчика⁶.

Структура обязанностей сторон по договору НИОКР также подтверждает особый характер данной договорной модели. Исполнитель обязан выполнить работы в соответствии с техническим заданием и в установленный срок, согласовывать использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности третьих лиц, устранять допущенные по его вине недостатки, незамедлительно информировать заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работ и гарантировать, что передаваемые результаты не нарушают исключительных прав других лиц. Заказчик, в свою очередь, обязан передать исполнителю необходимую для выполнения работ информацию, принять результат и оплатить его. Специальное значение в этой конструкции имеют правила о привлечении третьих лиц: при научно-исследовательских работах исполнитель обязан проводить исследования лично и вправе привлекать иных лиц только с согласия заказчика, тогда как по опытно-конструкторским и технологическим

работам привлечение третьих лиц допускается по общему правилу, если иное не предусмотрено договором.

Важнейшее значение в структуре договорных связей в сфере НИОКР имеют режим конфиденциальности и правила о правах на результаты работ. В силу ст. 771 ГК РФ стороны обязаны обеспечивать конфиденциальность сведений о предмете договора, ходе его исполнения и полученных результатах, а статья 772 ГК РФ прямо относит вопрос об использовании результатов к условиям договора. Если в ходе выполнения работ создаются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, их правовой режим определяется нормами части четвертой ГК РФ, в том числе статьями 1297, 1371 и 1462; для результатов, созданных по государственным и муниципальным контрактам, действует специальное регулирование в рамках ст. 1240.1 ГК РФ.

Следовательно, уже на уровне содержания обязательств сторон договор НИОКР выходит за рамки обычной модели обязательства по предоставлению имущественной ценности и требует согласования вопросов научного риска, конфиденциальности, приемки результата и распределения прав на создаваемые объекты.

Обеспечение исполнения обязательств по договорам НИОКР. Результаты НИОКР как возможные объекты обеспечения

В контексте рассмотрения особенностей применения обеспечительных сделок в сфере договоров НИОКР необходимо различать две ситуации: обеспечение исполнения собственно обязательств, возникающих из договоров НИОКР, и возможность использования в качестве предмета обеспечения результатов, получаемых по таким договорам.

Специфика договоров НИОКР существенно влияет на допустимые пределы использования обеспечительных конструкций. Классическая задача обеспечения состоит в создании для кредитора дополнительных имущественных гарантий на случай неисполнения или ненад-

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2021 № 305-ЭС20-15089 // СПС «КонсультантПлюс».

лежащего исполнения обязательства. В сфере НИОКР эта задача не может решаться без учета того, что риск случайной невозможности исполнения и риск недостижения ожидаемого научного результата по общему правилу уже перераспределены законом в пользу исполнителя.

В отношении обеспечения исполнения обязанностей заказчика возможности использования способов обеспечения более обширны: денежная обязанность по оплате работ, а равно связанные с ней обязанности по авансированию, возмещению издержек, оплате фактически выполненной части работ, вполне допускают использование поручительства, независимой гарантии, обеспечительного платежа, залога имущества и др. Здесь не возникает конфликта с идеей научного риска, поскольку объектом обеспечения выступает не достижение исследовательского результата, а исполнение обычного денежного обязательства. Иная ситуация складывается на стороне исполнителя. На наш взгляд, обеспечению могут подлежать его обязанности по соблюдению сроков, передаче документации и отчетности, соблюдению конфиденциальности, уведомлению о невозможности продолжения работ, устранению виновно допущенных недостатков, обеспечению правовой чистоты получаемых результатов, но не само по себе обещание достижения определенного научного результата там, где законом допускается, что он может быть не достигнут по объективным причинам.

Недостижение научного результата не может быть квалифицировано как нарушение обязательства, поэтому классические обеспечительные сделки, сущность которых связана с созданием дополнительных гарантий именно на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, не вполне применимы в ситуации недостижения результата по объективным причинам. В данной ситуации более уместны механизмы создания гарантий интересов кредитора, формально не привязанные к нарушению обязательства, в частности возмещение потерь (ст. 406.1 ГК РФ) и страхование. При этом необходимо отметить, что

независимая гарантия как способ обеспечения формально не связана только с нарушением обязательства — в гарантии подлежат указанию *обстоятельства*, при наступлении которых должна быть выплачена соответствующая сумма (п. 4 ст. 368 ГК РФ).

Наиболее сложный вопрос связан с возможностью использования в обеспечительных целях самих результатов научной деятельности. Общие положения о залоге допускают залог всякого имущества, включая имущественные права, если законом не установлен запрет на их отчуждение или обращение взыскания.

В сфере интеллектуальных прав эта логика конкретизирована в ст. 358.18 ГК РФ и в разъяснениях Верховного Суда РФ: исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации может быть предметом залога в отличие от неимущественных прав. Более того, Верховный Суд прямо исходит из допустимости залога не только уже существующего, но и будущего исключительного права, которое возникнет у правообладателя или перейдет к нему в будущем, при условии достаточной индивидуализации предмета залога⁷.

Залог исключительного права в сфере НИОКР обладает собственной функциональной спецификой. По общему правилу залогодатель сохраняет возможность использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности и распоряжаться исключительным правом, за исключением его отчуждения без согласия залогодержателя; договором могут быть установлены ограничения, в том числе запрет на заключение лицензионных договоров. Это означает, что залог исключительного права способен сочетать две задачи: с одной стороны, он создает для кредитора имущественную гарантию, а с другой — предоставляет исполнителю возможность дальнейшего использования результата. Для инновационной сферы это особенно важно, поскольку ценность прав на результаты интеллектуальной деятельности нередко раскрывается именно в процессе даль-

⁷ П. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

нейшего использования, внедрения, а не в их немедленном отчуждении.

Залог исключительных прав, особенно на те результаты, которые созданы в ходе научной и научно-технической деятельности, — очень перспективная конструкция. По данным отчета Роспатента за 2025 г., рынок залога интеллектуальных прав в России находится на стадии активного формирования: наблюдается рост практики кредитования под залог интеллектуальных прав. В 2023 г. объем таких кредитов составлял 156 млн руб., в 2024 г. он достиг 667 млн руб., в 2025 г. — 784 млн руб. Таким образом, за два года объем увеличился более чем в пять раз⁸.

Распространение данной конструкции является важным направлением правового обеспечения достижения технологического лидерства. При этом для создания нормативных условий его развития в коммерческом секторе нужно преодоление ряда барьеров⁹.

Вместе с тем не всякий результат научной или научно-технической деятельности может выступать объектом обеспечения именно как результат интеллектуальной деятельности.

К результатам научных исследований, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, но могут иметь самостоятельную имущественную ценность, могут быть отнесены, в частности, первичные и обработанные исследовательские данные, массивы экспериментальных измерений, результаты лабораторных, доклинических, клинических, токсикологических и иных испытаний, отрицательные научные результаты, подтверждающие неэффективность, токсичность, невозпроизводимость или технологическую непригодность исследуемого решения, промежуточные результаты отдельных этапов научно-исследователь-

ских работ, протоколы экспериментов, методики исследования и валидации, технические отчеты, аналитические заключения, технологические рекомендации, результаты подбора условий эксперимента, данные о стабильности, безопасности, эффективности и воспроизводимости технологии, техническая, конструкторская, технологическая и регистрационная документация, материалы для последующего допуска продукта на рынок, а также результаты адаптации научного решения к конкретной производственной, медицинской или иной прикладной задаче.

Такие объекты не отвечают критериям охраняемого результата интеллектуальной деятельности, поэтому не образуют объекта исключительного права, которое можно было бы передать в залог. Идею о том, что результаты НИОКР не всегда являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, можно считать консенсусной. Подтверждения этого вывода следуют из буквального толкования нормативных правовых актов. Так, в ст. 2 Закона о науке понятие научного и (или) научно-технического результата закреплено как более широкое по отношению к категории «результат интеллектуальной деятельности». Помимо этого, в федеральном стандарте бухгалтерского учета ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» предусмотрены возможность учета объекта нематериальных активов в результате выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и квалификация фактических затрат на создание такого объекта как капитальных вложений¹⁰.

Вместе с тем в ряде случаев на практике вопросы использования таких объектов всё равно решаются через инструменты права интеллектуальной собственности, в частности, использо-

⁸ См.: Годовой отчет Роспатента за 2025 г. // Роспатент : официальный сайт. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 10.05.2026).

⁹ См.: Новоселова Л. А., Гринь О. С. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 64–82 ; Рузакова О. А. Проблемы кредитования под залог интеллектуальных прав // Банковское право. 2024. № 3. С. 72–78.

¹⁰ Приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения»» (зарегистрирован в Минюсте России 15.10.2020 № 60399) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 16.10.2020.

вание конструкторской документации оформляется посредством лицензионных договоров¹¹.

Это обусловлено отсутствием непротиворечивого ответа на вопрос о квалификации таких объектов в системе объектов гражданских прав. От такого ответа зависит не только теоретическая конструкция, но и прикладные последствия — появляется ли здесь обособленный объект, который может поступать в оборот, в том числе быть предметом обеспечения.

Формальный ответ следует из ст. 128 ГК РФ, где используется классическая категория объектов гражданских прав — «результаты работ».

Вместе с тем вопрос об оборотоспособности (включая способность выступать в качестве предмета обеспечения) тех результатов научной деятельности, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, в настоящее время единообразно не решен.

В науке предлагаются решения данного вопроса через поиск места информации в системе объектов гражданских прав¹², в том числе информации, являющейся результатом прикладных научных исследований в сфере генетических технологий¹³.

Исключение информации из числа объектов гражданских прав в 2006 г. продолжает порождать различные затруднения в построении цивилистических моделей отношений по поводу такой информации, которые не могут

быть сведены к квалификации оказания услуг по предоставлению информации по соответствующему договору (ст. 783.1 ГК РФ).

В то же время анализ зарубежного опыта показывает, что результаты научных исследований, не являющиеся объектами интеллектуальных прав, не остаются вне специального правового режима. В ряде директив Европейского Союза устанавливается обособленный режим таких данных¹⁴. В законодательстве зарубежных государств предусмотрены, в частности, особенности доступа к таким результатам, если они финансируются за счет публичных средств. Так, во Французском кодексе научных исследований 2016 г. (*Code de la recherche*) закреплено, что данные, полученные в результате исследовательской деятельности, финансируемой не менее чем наполовину публичными средствами, при отсутствии специальной правовой охраны или особого регулирования и после их обнаружения могут свободно повторно использоваться¹⁵. В США в Федеральном положении о закупках 1984 г. используется категория *technical data* как информация научного или технического характера, в отношении которой определяются правомочия на использование, раскрытие, воспроизведение, распространение и передачу. Это не режим исключительного права, а договорная модель оборота научно-технической информации, созданной при выполнении работ¹⁶. Так, в

¹¹ См.: п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) ; постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.03.2026 по делу № А40-156148/2025 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2023 по делу № А40-4088/23-72-33 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (5). С. 30–40.

¹³ См.: Кубышкин А. В. Обращение семейных генетических и геномных данных: международно-правовой аспект // *Lex russica*. 2024. № 77 (12). С. 84–93 ; Мурзин Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 11–18 ; Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 110–121.

¹⁴ Регламент ЕС от 13.12.2023 2023/2854 о справедливом доступе к данным и их использовании (*Data Act*), Директива ЕС от 20.06.2019 2019/1024 об открытых данных и повторном использовании информации публичного сектора // *EUR Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁵ *Code de la recherche*. Art. L533-4 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁶ *Federal Acquisition Regulation FAR 52.227-14 «Rights in Data — General»* // URL: <https://www.acquisition.gov/far/52.227-14> (дата обращения: 10.05.2026).

сфере биомедицинских исследований аналогичный подход проявляется в политике национальных институтов здравоохранения о предоставлении доступа к таким научным данным¹⁷.

В данном контексте важно отметить, что особое практическое значение имеет охрана результатов капиталоемких исследований в области фармацевтики — доклинических исследований лекарственных средств и клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения.

По действующему законодательству об обращении лекарственных средств информация о результатах таких исследований не может использоваться в коммерческих целях без согласия заявителя в течение шести лет (ч. 5.3 ст. 13 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹⁸).

В законодательстве о биомедицинских клеточных продуктах прямо используется формула «организация, обладающая правами на результаты доклинических исследований... клинических исследований... и (или) на технологию производства» (ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹⁹).

Помимо прямых законодательных решений автономная квалификация прав на результаты таких исследований имеет правоприменительное значение. В ряде дел суды рассматривали вопросы об особой правовой охране результатов данных доклинических и клинических исследований²⁰. При этом критерием для правовой охраны ожидаемо выступила публичность информации (применительно к опубликованию

части данных в научной статье). Такой подход во многом обусловлен тем, что действующее законодательство о результатах работ, выполненных по договорам НИОКР, исходит из важности режима конфиденциальности соответствующих сведений (ст. 771 ГК РФ). При этом конфиденциальность не выступает законодательным критерием квалификации результатов НИОКР как особых объектов правовой охраны — такая регламентация в действующем законодательстве отсутствует.

На международном уровне закреплена обязанность государств защищать закрытые данные об испытаниях или другие сведения, предоставление которых необходимо для допуска фармацевтических продуктов на рынок и создание которых требует значительных усилий, от недобросовестного коммерческого использования (ч. 3 ст. 39 Соглашения ТРИПС²¹).

В развитие этого положения в различных правовых порядках можно найти нормы, устанавливающие специальный правовой режим для соответствующих данных. В частности, в Великобритании применяется модель *informed consent application*: держатель регистрационного удостоверения может разрешить другому заявителю использовать его фармацевтическую, доклиническую и клиническую документацию для получения регистрационного удостоверения²².

Для российского права из этого следует самостоятельный вывод. Результаты НИОКР, не являющиеся охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, не должны искусственно включаться в систему интеллектуальных прав. Нормативная модель, содержащаяся в

¹⁷ NIH Data Management and Sharing Policy Overview // URL: <https://grants.nih.gov/policy-and-compliance/policy-topics/sharing-policies/dms/policy-overview> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁸ СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

¹⁹ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3849.

²⁰ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.03.2017 № C01-882/2015 по делу № А40-188378/2014; постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2023 № Ф05-21974/2023 по делу № А40-202954/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

²² Types of application for marketing authorisations (legal basis of applications) / Medicines and Healthcare products Regulatory Agency. Regulation 56 «Informed Consent» // URL: <https://www.gov.uk/guidance/types-of-application-legal-basis> (дата обращения: 10.05.2026).

ст. 772 ГК РФ, допускает включение результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в оборот как особого объекта по ст. 128 ГК РФ — *результатов работ*, в том числе предоставление таких результатов в качестве предмета обеспечения.

Для целей создания нормативных условий развития данной правовой конструкции в законе может быть конкретизировано, что право использования результатов работ включает возможность их отчуждения или перехода от одного лица к другому.

Вместе с тем построение эффективной и непротиворечивой системы прав на такого рода объекты требует решения в будущих научных исследованиях по данной проблеме более глобального вопроса о возможности построения и признания системы особых абсолютных прав на такие объекты. Это обусловлено тем, что сами нематериальные результаты традиционно не выступают объектами имущественного оборота: в сфере интеллектуальной собственности в обороте находится соответствующее исключительное право, а применительно к нематериальным благам право вовсе исходит лишь из построения отношений по их абсолютной защите.

Распределение рисков как элемент обеспечения интересов исполнителя и ответственность. Риск недостижения результата за пределами гл. 38 ГК РФ

Специальный режим договоров НИОКР проявляется не только в особенностях их предмета, но и в особом распределении риска между сторонами. В главе 38 ГК РФ закреплён подход, согласно которому риск случайной невозможности исполнения таких договоров по общему правилу не возлагается на исполнителя. Более того, в законе дифференцируются последствия недостижения результата в зависимости от вида работ: при научно-исследовательских работах заказчик обязан оплатить стоимость работ, выполненных до выявления невозможности получить предусмотренный договором результат,

а при опытно-конструкторских и технологических — возместить понесенные исполнителем затраты. Тем самым риск научной или технологической неудачи превращается в самостоятельный элемент защиты интересов исполнителя: право учитывает ценность добросовестно осуществленного исследовательского процесса даже тогда, когда он не привел к ожидаемому итогу.

Именно поэтому недопустимо формально ссылаться на алеаторный характер договоров НИОКР как на универсальное основание освобождения исполнителя от любой неблагоприятной правовой оценки. В практике Верховного Суда РФ отмечается, что ссылка на п. 3 ст. 769 ГК РФ не подменяет необходимость установить фактическую невозможность исполнения. Суд подчеркнул: вопрос о понуждении к исполнению в натуре должен решаться с учетом существа обязательства и исследования обстоятельств дела; при этом в рассматриваемом споре материалы не содержали доказательств невозможности исполнения, а нижестоящие суды не дали надлежащей оценки вопросу о наличии либо об отсутствии такой возможности²³. Следовательно, специальное распределение научного риска защищает исполнителя лишь в той мере, в какой недостижение результата действительно имеет объективный характер.

Особенности ответственности исполнителя также подчинены этой логике. В статье 777 ГК РФ реализована идея ограниченного характера его ответственности: по общему правилу подлежат возмещению убытки в пределах стоимости работ, в которых выявлены недостатки, а упущенная выгода взыскивается лишь тогда, когда это специально предусмотрено договором. Тем самым законодатель учитывает повышенную неопределенность научной и научно-технической деятельности. Вместе с тем в сфере государственных и муниципальных контрактов к этой конструкции добавляются публично-правовые элементы: по законодательству о закупках требуется включение в контракт условий о неустойке за просрочку и ненадлежащее испол-

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.09.2022 № 307-ЭС22-4418 по делу № А56-12118/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

нение, а сведения о поставщиках, подрядчиках и исполнителях, не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших обязательства по контракту, подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков.

Значение рассматриваемой правовой модели выходит за пределы собственно гл. 38 ГК РФ. В Законе о науке содержится определение грантов как денежных и иных средств, передаваемых безвозмездно и безвозвратно на осуществление конкретных научных, научно-технических и инновационных проектов, а в бюджетном законодательстве предусмотрена возможность предоставления грантов в форме субсидий. Вместе с тем действующие правила предоставления таких грантов нередко устанавливают результат предоставления гранта и соответствующие показатели, а в отдельных случаях прямо предусматривают возврат средств при недостижении согласованных значений результата. Во многих бюджетных механизмах это фактически приближает финансирование науки к модели, ориентированной на внешний, измеримый результат, а не на юридически признанную допустимость добросовестной научной неудачи.

На наш взгляд, именно здесь обнаруживается предел действующей конструкции финансирования науки. Если законодатель уже признал в договорах НИОКР, что научная деятельность по своей природе связана с объективным риском недостижения результата, то игнорирование этой предпосылки в модели предоставления обычного гранта либо гранта в форме субсидии приводит к методологической непоследовательности.

Безусловно, речь не идет о полном освобождении получателя гранта или субсидии от обязанностей по целевому использованию средств, отчетности и добросовестной организации исследования. Однако сама по себе недостижимость заранее предполагаемого научного эффекта не должна автоматически приравниваться к ненадлежащему исполнению. Иначе в публичном финансировании науки сохраняется, по сути, подрядная логика, которая не согласуется с объективной неопределенностью исследовательского процесса. Следовательно,

идея распределения риска, закрепленная в гл. 38 ГК РФ, обладает потенциалом для более широкого распространения, прежде всего на те формы бюджетного финансирования научной деятельности, где сегодня результативность всё еще преимущественно определяется по модели подряда. Поэтому на уровне Закона о науке и в бюджетном законодательстве должны содержаться специальные правила, связанные с регламентацией риска недостижения результата научной или научно-технической работы.

Заключение

Специфика договоров на выполнение НИОКР связана не только с предметом работ, но и с риском недостижения результата. Научная и научно-техническая деятельность объективно не всегда приводит к ожидаемому итогу. Поэтому обязанность исполнителя не может пониматься как безусловная гарантия получения результата. При этом риск недостижения результата не исключает ответственности исполнителя. Он обязан действовать добросовестно, соблюдать техническое задание, сроки, режим конфиденциальности, правила отчетности и требования к правовой чистоте передаваемых результатов. Ответственность наступает не за саму научную неудачу, а за нарушение обязанностей исполнителя.

Обеспечение обязательств по договорам НИОКР также требует дифференцированного подхода. Поскольку добросовестное недостижение научного результата не может быть квалифицировано как нарушение обязательства, классические обеспечительные сделки (за исключением независимой гарантии) неприменимы для создания кредитору гарантий на этот случай. В данной ситуации уместны, в частности, механизмы возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ (если обязательство связано с осуществлением предпринимательской деятельности) и страхования.

Отдельного решения требует правовой режим результатов НИОКР, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности. Такие объекты имеют само-

стоятельное значение как результаты работ по смыслу ст. 128 ГК РФ. Их ценность состоит в возможности самостоятельного использования в научной, технологической, регуляторной и коммерческой деятельности. Поэтому законодательно должен быть решен вопрос об условиях их оборотоспособности, включая возможность перехода прав на такие результаты, их использования и применения в обеспечительных целях.

Таким образом, развитие законодательства о НИОКР должно идти по двум направлениям: 1) закрепления более ясных правил о риске недостижения научного результата, в том числе за пределами гл. 38 ГК РФ; 2) формирования правового режима результатов НИОКР, которые не являются результатами интеллектуальной деятельности, но имеют самостоятельную имущественную ценность и могут участвовать в гражданском обороте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акифьева А. А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. — 2015. — № 3. — С. 237–278.
2. Белоусов В. Н. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 11. — С. 91–95.
3. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex russica. — 2019. — № 6. — С. 110–121.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М. : Статут, 2002.
5. Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 19 (5). — С. 30–40.
6. Кубышкин А. В. Обращение семейных генетических и геномных данных: международно-правовой аспект // Lex russica. — 2024. — № 77 (12). — С. 84–93.
7. Кумаритова А. А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. — 2008. — № 7.
8. Мурзин Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 3. — С. 11–18.
9. Новоселова Л. А., Гринь О. С. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 5. — С. 64–82.
10. Право интеллектуальной собственности. Т. 1 : Общие положения : учебник / под ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Статут, 2017.
11. Рузакова О. А. Проблемы кредитования под залог интеллектуальных прав // Банковское право. — 2024. — № 3. — С. 72–78.

Материал поступил в редакцию 25 июня 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akifeva A. A. Razvitie teorii o delenii obyazatelstv na obyazatelstva po prilozheniyu usilий i dostizheniyu rezultata vo frantsuzskoy doktrine grazhdanskogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2015. — № 3. — S. 237–278.
2. Belousov V. N. Dogovory na vypolnenie nauchno-issledovatel'skikh, opytно-konstruktor'skikh i tekhnologicheskikh rabot // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 11. — S. 91–95.

3. Boltanova E. S., Imekova M. P. Geneticheskaya informatsiya v sisteme obektov grazhdanskikh prav // Lex russica. — 2019. — № 6. — S. 110–121.
4. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kniga tretya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. — M.: Statut, 2002.
5. Kress V. V. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh prav // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — № 19 (5). — S. 30–40.
6. Kubyshkin A. V. Obrashchenie semeynykh geneticheskikh i genomnykh dannykh: mezhdunarodno-pravovoy aspekt // Lex russica. — 2024. — № 77 (12). — S. 84–93.
7. Kumaritova A. A. Gosudarstvennye i munitsipalnye granty: vzniknovenie, stanovlenie i perspektivy razvitiya v rossiyskom grazhdanskom prave // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 7.
8. Murzin D. V. Geneticheskii material kak obekt grazhdanskikh prav: veshch ili informatsiya? // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. — 2024. — № 3. — S. 11–18.
9. Novoselova L. A., Grin O. S. Realizatsiya intellektualnykh prav v kachestve predmeta zaloga (protseduurnye aspekty) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — № 5. — S. 64–82.
10. Pravo intellektualnoy sobstvennosti. T. 1: Obshchie polozheniya: uchebnik / pod red. L. A. Novoselovoy. — M.: Statut, 2017.
11. Ruzakova O. A. Problemy kreditovaniya pod zalog intellektualnykh prav // Bankovskoe pravo. — 2024. — № 3. — S. 72–78.